

© 1996 г., ЭО, № 3

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

(приглашение к обсуждению)

Предлагаемая вниманию читателей заметка является ответом на письмо С. И. Вайнштейна, Д. Е. Еремеева, Б. Х. Кармышевой и Г. Е. Маркова «О тюркоязычных народах Южной Сибири, посвященных им историко-этнографическим монографиям и вопросам научной этики», написанное по поводу моей рецензии на коллективную монографию «Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос» и опубликованное в № 1 журнала «Этнографическое обозрение» за 1996 год.

Изначально хочу выразить свою признательность и благодарность людям, которые не только ознакомились с рецензией, но взяли на себя труд, по сути дела, открыть дискуссию на одну из важнейших тем современной этнологии и этнографии. У меня давно зрела мысль о необходимости организации круглого стола с рабочим названием «Проблемы историко-этнографического изучения тюркоязычных народов Южной Сибири». Поступившее в редакцию письмо убеждает в том, что время для обсуждения этих проблем на страницах крупнейшего отечественного издания по этнологии и этнографии пришло.

Я хотел бы предложить для работы круглого стола следующие вопросы:

- как следует трактовать понятие «Южная Сибирь»;
- какие этнические общности надо считать «народами Южной Сибири» (входят ли в их число, например, южные группы эвенков, а также русские, украинцы, немцы, татары и др.);
- какие этнические общности могут быть отнесены к «тюркоязычным народам Южной Сибири» (надо ли в их число включать если не все, то некоторые «группы» [или народы?] сибирских татар — барабинцев, калмаков, чулымцев и т. д.);
- сколько «народов» насчитывается в Южной Сибири в настоящее время и каковы критерии их выделения;
- как должен вести себя этнограф в нынешней, достаточно конфликтной, взрывоопасной ситуации, когда государство, национальная политическая элита и сами народы периодически требуют от него решений в угоду собственным, спровоцированным современным положением, интересам;
- каковы основные проблемы и тенденции современного процесса этнизации обществ в регионе (проблемы «самоопределения» телеутов, калмаков, чулымских татар, кумандишцев, челканцев, тубаларов, окянских сойотов и др.)?;
- какова роль государства и этнографов в «создании» народов;
- как можно оценить степень этнологической и этнографической изученности тюркоязычных народов Южной Сибири;
- каковы дальнейшие задачи исследования этнических общностей Южной Сибири?

Желательно, чтобы в обсуждении столь важных вопросов приняли участие различные специалисты, но прежде всего, этнографы-полевики, знакомые со спецификой этнической ситуации в Южной Сибири. Такое пожелание вызвано тем, что порой в научных трудах приходится сталкиваться с неправомерными дефинициями. В качестве примера можно сослаться на письмо в редакцию. Конечно, не стоит ставить в вину его почтенному автору недостаточное знакомство с современными этническими процессами в Южной Сибири, проявившееся в использовании не отвечающей реальному состоянию этнической карты региона терминов вроде «этнографическая группа» по отношению к телеутам или кумандишцам (С. 163), а также в неключении в число народов Южной Сибири, например, окянских сойотов. Любая точка зрения требует уважительного к ней отношения, хотя для ведения дискуссии желательно всё же, чтобы она была аргументирована. И потому при обсуждении проблем этнизации различных социумов в Южной Сибири в наши дни очень важно будет не ограничиваться апелляцией к работам классиков, а приводить свежие примеры, подтверждающие то или иное положение, правомерность использования конкретных понятий в настоящее время. Это тем более важно, что сейчас политическая ситуация, в частности в Южной Сибири, достаточно сложна. Дискутируя, стоит, видимо, уточнить термины, способные вызвать у читателей неадекватные ассоциации.

Хочу еще раз призвать будущих участников круглого стола следовать традиционным для российской науки принципам общения. Насколько мне известно из личных контактов с моими учителями (Л. П. Потаповым, Р. Ф. Итсом, Д. Г. Савиновым и др.), а также из мемуарной литературы — в российской научной среде имела место культура общения, основанная на принципах взаимного уважения, доброжелательного отношения коллег друг к другу, желания понять, оценить и принять новую научную мысль и т. д. Хотелось бы сохранить именно это. Очень надеюсь, что предполагаемое обсуждение будет строго научным.

Жанр ответа на письмо в редакцию обязывает остановиться на высказанных в нем претензиях и возражениях. Постараюсь сделать это кратко по наиболее важным пунктам.

Я, конечно же, не намеревался отвергать «научные достижения нескольких поколений отечественных этнографов» (С. 162), в том числе и лично профессора С. И. Вайнштейна, роль которого в этнографии, как подчеркнуто в письме в редакцию (С. 163), оценил, например, профессор Н. А. Томилов: «Исследование конкретных видов ХКТ самодийских и тюркских народов Южной Сибири связано прежде всего с именем С. И. Вайнштейна... Результаты его работы показали, что хозяйственно-культурный облик народов Южной Сибири гораздо сложнее, чем представлялось до этого...». Разумеется, никто не спорит, что в отечественной науке с момента начала исследования Сибири было написано множество работ о народах Южной Сибири (в том числе и тюркских). Однако — и это довольно четко следует из текста моей рецензии — речь шла о последних десятилетиях и определенном жанре историко-этнографических трудов. Казусная ситуация возникла из-за различий в трактовке терминов. В связи с этим должен заметить, что не могу согласиться с автором письма в том, будто определять научные понятия и трактовать специальные термины можно с помощью не терминологических словарей, а «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (см. С. 164 письма).

«Историко-этнографическая монография» я считаю монографией (исследование, посвященное одной теме или одному народу), выполненную с использованием историко-этнографического метода анализа как основного. В данном случае для меня в определении жанра важно разграничение работ собственно этнологического (аналитического) характера и описательно-этнографического с использованием исторических экскурсов. Подобной дефиниции придерживался, например, Р. Ф. Итс («Введение в этнографию». Л., 1991. С. 51). Таким образом, современные монографии типа исследований Э. Л. Львовой, И. В. Октябрьской, А. М. Сагалаева, М. С. Усмановой я отношу к трудам этнологическим, а не собственно этнографическим. Здесь можно было бы пройтись по всему библиографическому списку, предложенному в письме, но вряд ли это имеет смысл.

Укажу еще на одну важную для меня вещь в определении жанра: это разделение монографий на коллективные и индивидуально-авторские. Разумеется, к последним я не могу отнести сборники статей одного автора. В письме же подобные работы тоже причисляются к монографиям; например, книга В. И. Вербицкого «Алтайские икородцы», которая даже издается с подзаголовком «сборник этнографических статей и исследований» (между прочим, это отмечает сам составитель письма, она принадлежит перу «дореволюционного миссионера», а отнюдь не одного из современных авторов).

Кстати, в письме в редакцию «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции» оцениваются лишь как «публикация материалов». Для меня представляется крайне странным определять таким образом цикл очерков историко-этнографического и археологического характера. Помимо того, здесь наблюдается невнимательное прочтение и текста рецензии, где речь идет о том, что с 1950-х гг. не удалось собрать столь солидного научного коллектива для комплексного исследования проблем истории и культуры тюрков Саяно-Алтая (ЭО, 1994. № 5. С. 175).

В письме в редакцию предложен достаточно подробный анализ жанра монографий. С некоторыми выводами автора текста трудно не согласиться, а именно: в одном монографическом издании сложно охватить, да еще и глубоко проработать основные вопросы, связанные с изучением конкретного народа (С. 163). Но мне представляется, что в случае выделения историко-этнографической монографии важно не столько количество охваченных тем, сколько характер, *метод* анализа. *Метод* должен быть именно историко-этнографическим, а скажем, не сравнительно-типологическим. Видимо, момент *определения жанра через основной метод анализа* смутил в данном случае автора послания. Кроме того, я писал о коллективной монографии, появившейся в последние годы. Это совершенно очевидно следует из начальных фраз моей рецензии. Вряд ли на основе текста рецензии можно заподозрить меня в том, что я старался дать «недостаточно объективные оценки вклада отечественных ученых в развитие этнологии» (С. 165), тем более, подчеркну еще раз, что речь шла только об *этнографических изданиях последних лет, выполненных в жанре коллективных историко-этнографических монографий*.

Еще одно недоразумение терминологического характера вызвало желание составителя письма опротестовать мое утверждение о том, что в последние годы появилось значительное число лингвистических работ «при отсутствии историко-этнографических монографий почти по всем тюркским народам Южной Сибири» (ЭО, 1994. № 5. С. 175). Если не домысливать, а прочитать именно то, что написано в тексте рецензии, то придется согласиться: в последние десятилетия ситуация складывается именно таким образом.

Думается, если в дискуссии будет затронут вопрос о методах и методологии ведущихся в настоящее время исследований, то можно обратиться — как к вторичному элементу — к кругу жанров, используемых в этнографической и этнологической литературе, хотя, право слово, это не имеет прямого отношения к обсуждению глобальной проблемы этнополитического характера.

В рецензии я не счел необходимым давать пояснения о специфике жанра и метода, полагая, что внимательный читатель воспринимает текст, исходя из авторской концепции, набора понятий и их трактовки, но не из собственного терминологического словаря и научных воззрений. В таких ситуациях обычно возникает закономерное желание обсудить существующий терминологический словарь, а не обвинять в некомпетентности. Впрочем, последнее позволяло составителю письма дать краткий библиографический очерк по историко-этнографическим исследованиям народов Южной Сибири. Это очень важный материал для определенного круга читателей.

Мимолетом вынужден заметить (по тексту письма в редакцию), что «авторы книги» (С. 163), которую я рецензировал, вряд ли могли что-либо рассматривать «вопреки рецензенту» — сообразно нормам русского языка, эти авторы в таком случае на момент написания монографии должны были, как

минимум, состоять со мной в полемика по вопросу отнесения чулымцев к тюркам Западной Сибири: подчеркивая, что подобное не имело места.

И еще один казусный момент (да простят меня читатели за вынужденное обращение к подобным вещам!): в письмо, к сожалению, вкрался элемент «передергивания» текста. Так; например, цитируется финальная фраза рецензии с предшествующим выводом, домысленным составителем письма: «Если он (т. е. Д. А. Функ. — Д. Ф.) считает таковыми только книги со всесторонним историко-этнографическим исследованием отдельных этносов, то к подобным монографиям Шандя, увы, причислить рецензируемую им работу, которую Д. А. Функ полагает в этом смысле образовой и даже призывает видеть в ней „Пример, достойный подражания!“» (С. 163). В тексте рецензии значится следующее: «Заслугой же авторов рецензируемой книги стал не только важный с научной точки зрения вывод о чулымцах как о народе, но и то, что им удалось продемонстрировать образец максимально объективного, независимого от сиюминутных политических задач изучения этнической общности. Пример, достойный подражания!» (ЭО, 1994, № 5. С. 178).

Я вынужден указать на некоторые фактографические неточности в оценке сборника статей «Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий» (М., 1994). В письме значится: «(в сборнике — Д. Ф.)... речь идет о нескольких этнографических группах алтайцев, главным образом, телеутах, а также бурятах, но не рассматриваются проблемы этнической истории и культуры ни шорцев, ни хакасов, ни тувинцев, ни тофаларов, ни сопредельных народов» (С. 163). Из 11 статей сборника телеутам посвящены лишь три; статьи Е. П. Батьяновой «Ашкыштымы» и А. М. Илюшина «Об этнических процессах предмонгольской эпохи в Кузнецкой котловине (на материалах погребальных комплексов Шандя и Шабаново-III)» рассматривают группы дотелеутского населения Кузнецкой котловины, имеющие самое прямое отношение к кумандицам и шорцам; статья А. Галиева «Модели мира тюркской культуры» по поднятым проблемам и характеру использованных материалов скорее может быть отнесена именно к работам по народам «сопредельных территорий», чем, допустим, к тем же телеутам и т. д. Попутно замечу, что этот сборник явился первым из предполагаемого цикла изданий по проблемам этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. В любом из последующих выпусков — и это естественно — не удастся охватить все народы рассматриваемых регионов — да кто и когда ставил себе такую цель в книге, жанр которой определяется как «сборник статей»?

Но от отдельных неточностей и оговорок, разумеется, не застрахован никто. Я должен поблагодарить составителя текста письма за то, что он указал на вкрапившуюся в мою рецензию текстовую неточность: на С. 175 фразу, начинающуюся со слов «Со времени выпуска...», следует читать «Со времени подготовки „Трудов Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции“ в конце 1950—1960-х гг.» и далее по тексту.

К сожалению, в письме в редакцию высокоуважаемый автор порой не считает нужным аргументировать собственные заключения. Например, в отношении принципов выделения «народов Южной Сибири», использованных М. Г. Левиным и Л. П. Потаповым в томе «Народы Сибири» (1956 г.) брошена фраза: «К сожалению, такая классификация ничем не была аргументирована» (С. 162). Аргументация по поводу «неаргументированности» классификации отсутствует. Взамен этой классификации предлагается использование географического принципа выделения народов. («Как известно, в этнологии географический принцип классификации народов вполне закономерен», С. 163). Закономерность опоры на географию также не аргументируется.

Стати, этот принцип возвращает нас к одному из заключений автора письма: «...к народам Южной Сибири должны быть отнесены лишь те, которые её населяют» (С. 163). В таком случае по чисто географическому принципу к народам Южной Сибири должны быть отнесены и русские, проживающие там. Но не может же этнография опираться только на географию!

Разумно было бы указать на то, что существуют различные типы классификаций, каждая из которых используется по необходимости в конкретных целях. Об этом, например, недавно напомнил еще раз Н. А. Томilloв в своей статье «Сибирские татары» [опубликована в сб.: Народы Сибири и Севера России в XIX веке (Этнографическая характеристика). М., 1994. С. 215—249]. Автор, понимая, что любая классификация условна, справедливо, на мой взгляд, пишет о возможности включения сибирских татар и чулымских тюрков и в «Южнозападносибирскую региональную историко-этнографическую общность», и в «Южносибирскую областную историко-этнографическую общность» (в последнем случае — вместе с коренными народами Алтая, шорцами, бачатскими телеутами, хакасами, тофаларами, тувинцами, бурятами и якутами: см. с. 242—243 указ. раб.).

Позволю себе на этом завершить ответ на письмо в редакцию. Хочу только особо обратить внимание людей, которых мы с уверенностью уже сейчас можем причислить к патриархам науки, на значимость и весомость каждого их слова для молодых исследователей. К сожалению, часто бывает так, что кто-то из крупных ученых, не особо задумываясь о последствиях, дает список каких-либо народов и перечень исследований по ним в таком контексте, что создается впечатление, будто весь этнографический материал исчерпан, а проблемы в достаточной степени изучены, и уж конечно нельзя править тех, кто писал о них 10, а тем более 50 лет назад. Полагаю, что это не способствует активизации и развитию научной мысли.

Кроме того, предлагаемые списки (например, народов Южной Сибири) могут на долгие годы закрывать путь к их корректному с позиции современной политической ситуации. Таким образом, этот вопрос превращается из собственно научного в глобальную политическую проблему. Именно это имеет место в настоящее время в Южной Сибири. Так, в целом ряде официальных документов последних двух лет мне пришлось столкнуться с выделением в качестве самостоятельной этнической общности челканцев Северного Алтая при том, что, насколько мне известно, не были проведены

исследования, которые бы позволили опровергнуть существующую до сих пор в науке точку зрения на челканцев как на «этнографическую (реже — этническую) группу алтайцев». Помимо проблемы «разделения алтайского народа» есть и еще одна: порядка 90 челканских семей, а это не менее 30% от предполагаемой численности челканцев, живет в Тахтагольском районе Кемеровской области, где до сих пор не завершен процесс автономизации шорцев. Как в этой ситуации будет решаться вопрос — путем переселения «шорских челканцев» на Алтай или предоставления им особых прав на нынешних местах проживания с выделением т. н. «территорий традиционного природопользования»? Вопросы не из легких. Не в меньшей степени они относятся и к телеутам, часть представителей политической элиты которых в зависимости от ситуации то борется за право писать в паспортах свою национальность «телеут», то разыгрывает карту с переселением отдельных семей на «историческую родину» — Алтай. Список подобных взрывоопасных ситуаций можно продолжить.

Вольно или невольно, но, приходится признать, что этнография все более становится наукой политической, во всяком случае — политизированной. И коль скоро этнографы имеют дело с современными проблемами этнического развития, есть смысл приложить все усилия для оптимизации этого процесса, недопущения конфликтных ситуаций, которые, увы, так легко могут быть спровоцированы неосторожными поступками или даже словами.

Д. А. Функ